

United States. However, the transformation of the Commonwealth into an effective military-political-economic Alliance of independent democratic States is still rather problematic, primarily because of Russia's position.

The aim of the article is an analytical study of the concept of collective security of the CIS with the purpose of definition of characteristic features and security classification model and assess potential threats to Ukraine's national interests.

It can be stated that the CIS has managed to minimize the negative costs of the process of formation of independent States on the territory of the former Soviet Union and has a chance to turn in interstate Association with persistent and influential position. However, at present it is rather the environment identify different national interests of member countries than the effective mechanism of their creative integration.

The analysis of the security concept of the CIS shows that its model is geopolitical for countries-members of the Commonwealth with all the signs of geopolitical structure. However, since Ukraine is a member state that fails to recognise the legal personality of the CIS, having a status of the state parties, it is officially not participate in collective armed forces and military structures. In this regard, the official Kiev can be certain problems of a military character due to conflicts with other States-members of the CIS, and, first of all, with Russia.

Keywords: *CIS, national security, international security, international relations, the concept, model.*

УДК 327(510:5-191.2)(045)

М.З. Мурашкина, С.В. Толстов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

В статье проанализированы стратегические интересы КНР в регионе Центральной Азии. Рассмотрены действия и усилия по их реализации в рамках основных направлений внешней политики Китая. Представлен обзор основных проектов КНР в сфере энергетики и развития транзитной инфраструктуры.

Ключевые слова: *Центральная Азия, КНР, Шанхайская организация сотрудничества, стратегические интересы, внешняя политика.*

Государства Центральной Азии имеют важное геостратегическое значение в контексте наращивания потенциала КНР в качестве одного из ведущих мировых экономических и политических игроков. Влияние на центральноазиатский регион будет означать признание усиленного статуса обновленного Китая, который, по словам заместителя директора Института Дальнего Востока Российской Академии Наук С.Лузянина, сейчас находится в процессе «преодоления узкого регионализма во внешней политике» и «преодоления комплекса развивающегося государства» [1].

Цель предлагаемой статьи заключается в оценке роли Центральной Азии во внешней политике КНР, а также в определении места этого региона в системе стратегических интересов Пекина.

Не удивительно, что в современной китайской аналитической и политологической мысли значительное внимание уделяется центральноазиатской проблематике, в частности, усилению сотрудничества Китая со странами региона, а

также соперничеству Китая, США и России за влияние в регионе. Среди политологов и экспертов, исследующих данную тематику, следует отметить работы таких китайских авторов, как Бао И, Ван Цзисы, Гу Гуанфу, Ли Лифан, Лю Цзайци, Лю Циндай, Пань Гуан, Сан Чжуанчжи, Сю-Линг Ву, Ся Ишань, Ся Липин, Хак Инь Ли, Хе Вейган, Цзян Сиюань, Цзянь-Синь Чен, Чжан Байцзя, Чжан Дегуан, Чжао Хуашен, Чженьху Ван, Чжоу Ихуан, Чи-Лин Ян и других.

Стратегия Китая в отношении Центральной Азии вполне логично представляет значительный интерес для российских исследователей. Среди них следует отметить работы таких авторов, как К.Ануфриев, Р.Гумеров, В.Гусейнов, С.Демиденко, С.Ермаков, С.Жуков, А.Имангазиев, А.Казанцев, И.Комиссина, В.Корсун, А.Куртов, Д.Мальшева, А.Матвеева, Р.Мукиджанова, М.Наринский, В.Наумкин, Н.Омаров, О.Подолько, Д.Попов, О. Резникова, П.Савкин, А.Свечников, Н.Серебрякова, В.Терехов, А.Токтомушев, С.Чаплинский. Особое внимание соотношению интересов России и Китая в центральноазиатском регионе и возможностям взаимовыгодного сотрудничества двух великих держав в регионе уделяют в своих работах А.Воскресенский, В.Киндалов, О.Лиманов, С.Лузянин, В.Матяш, Л.Моисеев, В.Парамонов, Ю.Песков, А.Строков, О.Столповский.

Ряд работ, в которых рассматривается внешняя политика КНР в отношении Центральной Азии, опубликовали украинские исследователи А.Гончарук, В.Гусаков, Р.Джангужин, М.Дорошко, С.Кравченко, П.Ленский, Ю.Пахомов, О.Сенченко, Р.Сыринский, М.Таран, И.Ткаченко, С.Шергин, Н.Шпакова и другие.

Внешняя политика КНР в отношении стран центральноазиатского региона находится в зоне повышенного внимания американских и европейских авторов, среди которых особый интерес представляют основательные труды таких исследователей и аналитиков, как С.Бланк, Е.Вишник, Л.Джонсон, Д.Керр, М.Лараель, Р.Лел, Р.Н.Мунро, Дж.П.Фам, Д.Р.Шпехлер, М.К.Шпехлер. Экономическую активность Китая как основу стратегии усиления влияния в Центральной Азии анализируют такие исследователи, как А.Андреси, М.Кларк, Т.Маркетос, М.Оресман, С.Пейруз, Н.Сванстром, Дж.Раболленд, К.Шейвс и другие.

Ряд интересных работ, посвященных стратегическим интересам и внешней политике Китая в Центральной Азии, опубликовали исследователи из самих центральноазиатских государств. Среди работ последних лет особо следует отметить монографии профессора Казахстанского института стратегических исследований К.Сыроежкина и профессора Киргизско-Российского Славянского университета А.Князева, труды таджикских исследователей А.Баховадинова и Х.Додихудоева, киргизской исследовательницы З.Мураталиевой.

С момента обретения независимости, государства Центральной Азии, хотя и в разной мере, стали открытыми для китайского влияния. В особенности это касается Таджикистана, Казахстана и Кыргызстана, имеющих общие границы с Китаем. Ключевыми вопросами, представлявшими для Пекина интерес в контексте сотрудничества с государствами региона в 1990-е гг. были проблемы уйгурского сепаратизма, разделенных наций, поставок энергоносителей, интенсификации торговли. Многие народности Центральной Азии имеют общее историческое корни с населением Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Значительную часть населения этого района составляют мусульмане, что может подпитывать сепаратизм и национально-религиозный экстремизм. Стоит также отметить, что в Казахстане и Кыргызстане проживает около 300 тыс. уйгуров [2, с.575]. В КНР уйгурских сепаратистов рассматривают как составную часть международного терроризма, для

борьбы с которым требуется привлечение ресурсов глобальной антитеррористической кампании [3, с.332].

Китайский исследователь, сотрудник Московского центра Карнеги Чжао Хуашен так определяет основные цели КНР в Центральной Азии: борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; обеспечение безопасности в приграничных районах; поддержка стабильности во всем регионе; содействие региональному экономическому развитию; предупреждение установления монопольного контроля над регионом со стороны враждебных Китаю государств и появления в регионе военных союзов, имеющих антикитайскую направленность; создание условий для доступа к энергетическим ресурсам региона [4, с.50].

Сотрудники Отдела стратегических исследований Шанхайского института международных проблем Ся Липин и Цзян Сиюань в монографии «Мирное возвышение Китая» отмечают, что развивая всесторонние связи с государствами Центральной Азии, Китай сможет уменьшить элементы непредсказуемости в сфере собственной пограничной безопасности [5]. Тайваньские исследователи Хен Минг-Те и Тони Тай-Тин Лиу в статье «Внешняя политика Китая в Центральной Азии» пишут, что Пекин действительно заинтересован в мире и стабильности в регионе. Это отвечает интересам Китая, которому нужны среднеазиатские нефть и газ, и который стремится развивать торговлю с регионом [6].

Именно в контексте совместной борьбы против экстремизма и сепаратизма в апреле 1996 г. в Шанхае было подписано соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границ, что положило начало возникновению так называемой «Шанхайской пятерки» (Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), которая после саммита 16 июня 2001 г. и присоединения к процессу Узбекистана превратилась в Шанхайскую Организацию Сотрудничества. Впоследствии был создан Единый антитеррористический центр ШОС и подписан документ о безъядерной зоне в Центральной Евразии. В июне 2004 г. на саммите ШОС в Ташкенте между Китаем и Узбекистаном было подписано Соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Этот документ имел особое значение для Китая, поскольку предусматривал запрет на создание в Узбекистане уйгурских организаций, выступающих за независимость Синьцзяна.

Новый этап в отношениях Китая со странами Центральной Азии ознаменовал визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Узбекистан в сентябре 2013 г., в ходе которого были подписаны Договор о дружбе и сотрудничестве и Совместная декларация о дальнейшем развитии и углублении двусторонних отношений стратегического партнерства.

Как отмечают российские исследователи, для Китая Центральная Азия является «стратегическим тылом» и «буферной зоной» в сферах безопасности, энергетики, рынков сбыта, транзитных коридоров, а также противодействия влиянию Запада [7; 8]. Углубление отношений с Центральной Азией также связано с развитием отсталых районов самого Китая, особенно Синьцзяна. Эксперты отмечают, что для Китая Центральная Азия служит как «важный фактор в нейтрализации Индии и формировании связей между азиатскими союзниками» [9]. Пекин последовательно реализует проект по окружению своего важного конкурента – Индии путем втягивания в свою систему региональных союзов Пакистана, Бангладеш, Мьянмы, Шри-Ланки и попыток распространить свое влияние на Афганистан. Через Пакистан Китай стремится установить сухопутное транспортное сообщение с Ираном. Предполагается, что таким образом будут созданы условия для строительства нефте- и газопроводов из региона Ближнего и Среднего Востока, что позволит Пекину обезопасить себя от нападений

пиратов на танкеры с сырьем и гипотетической блокады морских торговых путей со стороны США или Индии, которая потенциально может претендовать на установление своей гегемонии в бассейне Индийского океана.

Китайский инструментарий влияния в Центральной Азии и реализации своих стратегических интересов существенно отличается от американского и российского. Главным орудием Китая являются инвестиции в экономику стран, преимущественно, в энергетические и инфраструктурные проекты, горнодобывающую отрасль, а также льготное кредитование. Китайские инвестиции часто вкладываются в те сферы, которые рассматриваются западными инвесторами как рискованные. По некоторым оценкам, по состоянию на 2010 г. объем китайских инвестиций в Центральную Азию составлял 15 млрд. долларов, а китайский товарооборот со странами региона превысил 20 млрд. долл. США [1]. В 2012 г. КНР являлась крупнейшим торговым партнером для всех стран региона, кроме Узбекистана (в последнем по объёмам торговли Китай незначительно опережала Россия). Что касается Узбекистана, его суммарный товарооборот с КНР достиг 3,6 млрд. долл., а объем китайских инвестиций составил 4 млрд. долл. США. В Узбекистане действует 450 предприятий с участием китайских инвесторов, из которых 69 – со стопроцентным китайским капиталом, открыты представительства 71-й китайской компании.

Массированное экономическое проникновение в страны региона обеспечивает Китай надежным фундаментом для «привязки» этих государств в политическому курсу Китая и создает условия для регионального доминирования. Отдельные эксперты предполагают, что в рамках политики усиления влияния в регионе, Пекин также стимулирует миграцию китайцев в страны Центральной Азии, в частности в Казахстан [10, с.157].

Растущая экономика Китая требует все больше газа и нефти. По состоянию на 2012 г. потребности Китая в газе составляли более 120 млрд. кубометров в год, и по прогнозам экспертов, через пять лет эта цифра может удвоиться [11]. КНР удалось достичь значительных успехов в реализации своей энергетической стратегии в центральноазиатском регионе. Важными преимуществами Пекина стали способность быстро принимать политические решения и экономические возможности безотлагательно переходить к их реализации.

Одним из крупнейших достижений Пекина стало открытие в конце 2009 г. трубопровода длиной 7 тыс. км из Туркменистана, проходящего через территории Узбекистана и Казахстана. В 2010 г. поставки туркменского газа в Китай составили около 5 млрд. кубометров, причем по цене 192 долларов за кубометр, тогда как «Газпром» в том же году закупил у Туркменистана 11 млрд. кубометров по 240 долларов [12]. Реализация этого проекта стала возможной после подписания президентом Туркменистана С.Ниязовым соответствующего договора с КНР (подписан в Пекине в 2006 г.), а также подписания соответствующих договоров между Китаем, Казахстаном и Узбекистаном. В 2007 г. состоялся визит нового президента Туркменистана Г.Бердымухаммедова в Китай, по итогам которого были подписаны соглашения о разделе продукции на газовом месторождении Багтыярлык на правом берегу Амударьи между «Китайской национальной нефтяной корпорацией» (CNPC) и Государственным агентством по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркменистана, а также о поставках государственным концерном «Туркменгаз» корпорации CNPC по 30 млрд. кубометров газа ежегодно в течение 30 лет. В 2008 г. в Ашхабаде было подписано соглашение об увеличении пропускной способности трубопровода в Китай до 40 млрд. кубометров газа в год, а впоследствии, во время последнего визита президента Туркменистана в

Китай была достигнута договоренность о возможности доведения к 2015 г. поставок газа до 65 млрд. кубометров в год.

Среди других значительных успехов Пекина в борьбе за центральноазиатские энергоресурсы – строительство китайско-казахстанского нефтепровода, церемония начала строительства которого состоялась в сентябре 2004 г., а первая очередь – Атасу-Алашанькоу с пропускной мощностью 10 млн. тонн в год – была завершена в конце 2005 г. В 2006 г. начались промышленные поставки нефти до китайской границы, а оттуда – по китайскому нефтепроводу к нефтеперерабатывающему комплексу Душаньцзы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В 2007 г. китайская компания CNPC подписала соглашение о расширении нефтепровода Атасу-Алашанькоу, и в том же году было официально начато строительство его второй очереди. Доля китайских компаний в общем объеме добычи нефти в Казахстане почти сравнялась с долей национальной компании «КазМунайГаз». CNPC выкупила крупнейшую в Актюбинской области компанию «Актобемунайгаз» и приобрела акции казахстанской «Каражанбасмунай». По итогам визита президента Казахстана Н.Назарбаева в Пекин в 2009 г. была подписана пакетная сделка, гарантирующая Китаю поставки казахстанской нефти и предоставление 49% акций крупной нефтедобывающей компании «Мангистаумунайгаз».

Кроме добычи энергоносителей, Китай также заинтересован в развитии транзитной инфраструктуры центральноазиатских стран, поскольку это даст возможность расширить экспорт китайских товаров в страны Ближнего Востока и Европы, не говоря уже о постоянном росте экспорта китайских товаров в сами государства Центральной Азии. В частности, Пекин заинтересован в строительстве новой трансконтинентальной автомагистрали, которая через территорию Казахстана и Узбекистана свяжет Китай с портами Каспийского моря, а также трансконтинентальной железнодорожной магистрали Китай-Казахстан-Россия-Беларусь-Польша-Германия. Важной для Пекина является реализация проекта железнодорожной магистрали Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран-Турция-Европа, адаптированной под европейские стандарты.

При активном участии китайских инвесторов продолжается строительство новых международных пограничных переходов между Китаем и Казахстаном. Естественный интерес китайских инвесторов вызывает «Транспортная стратегия Республики Казахстан до 2015 г.», которая предусматривает ряд инфраструктурных проектов по строительству новых железнодорожных линий [13]. В частности, предусмотрено строительство веток Коргас-Жетыген, Мангышлак-Баутино, Ералиев-Курык, что позволит обеспечить перевозку грузов в китайском направлении объемом до 18 млн. тонн в год.

Китайские инвесторы и строительные компании проявляют заинтересованность в строительстве автомобильных транспортных путей, соединяющих западные провинции Китая с Кыргызстаном и Таджикистаном, и через эти страны – с Узбекистаном и Туркменистаном. В перспективе новая система коммуникаций может соединить КНР через Центральную Азию с Ираном и Турцией. В 2000 г. заработала автомобильная трасса Пекин-Кашгар-Ош-Ташкент, которая проходит через территории Китая, Кыргызстана и Узбекистана. Ведется работа над реконструкцией автодороги Ош-Сарыташ-Икештам, с перспективой ее продолжения до Андижана в Узбекистане. В 2005 г. при участии китайской стороны завершилось строительство автомобильной дороги Кашгар-Хорог, что помогло Таджикистану частично избавиться от транзитной зависимости от Узбекистана. Новая автотрасса Таджикистан-Китай позволяет транспортировать в Афганистан китайские товары, которые ранее доставлялись через

Индийские порты. В ближайшие годы Китай, совместно со своими центральноазиатскими партнерами, намерен существенно увеличить количество пограничных переходов с выходом на автомагистрали.

Одним из главных инструментов влияния Китая на страны Центральной Азии является Шанхайская организация сотрудничества, в которую входят все государства региона, кроме Туркменистана, провозгласившего постоянный нейтралитет. На данном этапе Россия объективно не имеет возможности выделять достаточные ресурсы в рамках ШОС, соизмеримые с финансовыми возможностями Китая. С началом мирового финансового кризиса Китай предложил создать в рамках ШОС антикризисный стабилизационный фонд в размере 5 млрд. долларов с целью инвестирования в инфраструктуру государств Центральной Азии. Россия же выступила с альтернативным проектом антикризисной программы в рамках СНГ (в рамках ЕврАзЭС определенная помощь и кредиты были предоставлены Киргизстану и Беларуси). В ответ Китай в 2009 г. самостоятельно создал стабилизационный фонд размером в 10 млрд. долларов для инвестиций в страны Центральной Азии [14, с.157].

Российские исследователи И.Комиссина и А.Куртов справедливо отмечают, что хотя ШОС изначально создавалась с целью совместной защиты границ, ее деятельность с самого начала приобрела ярко выраженную экономическую направленность. Уже через несколько месяцев после создания организации, на первой встрече в Алма-Ате премьер-министры государств-членов ШОС подписали Меморандум об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и запуске процесса создания благоприятных условий в области торговли и инвестиций [15]. В 2003 г. главы правительств стран-участниц ШОС подписали Программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества на 20 лет, в качестве долгосрочной цели которой было заявлено создание зоны свободной торговли. В рамках ШОС действует механизм проведения регулярных встреч министров экономики и торговли.

Посредством ШОС Пекин инициировал и продвигает ряд энергетических, транспортных и транзитных проектов. В частности, в июне 2012 г. в ходе встреч в рамках саммита ШОС в Пекине руководство Китая подписало ряд соглашений об инвестициях, поставках энергии и привилегированных отношениях с Узбекистаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, что усилит присутствие Пекина в энергетическом секторе центральноазиатских стран. С Узбекистаном Китай заключил торговые сделки и инвестиционные соглашения на общую сумму св. 5,2 млрд. долларов. Была также достигнута договоренность, что Китай предоставит Таджикистану кредит в 50 млн. долларов для модернизации дорог и инфраструктуры, и 150 млн. юаней – для экономического развития. Китайская национальная нефтяная корпорация заключила договор по эксплуатации залежей газа и нефти Таджикистана. С Киргизстаном Пекин договорился о выделении 250 млн. долларов для финансирования строительства нефтеперерабатывающего завода в Кара-Балтав, Экспортный банк Китая намерен предоставить заем на реконструкцию энергетической инфраструктуры страны, подписан меморандум о технологическом сотрудничестве [16]. На саммите в декабре 2012 г. в Бишкеке участники ШОС обсудили создание Фонда развития и Банка развития организации.

Отдельные эксперты высказывают мнение, что ШОС рассматривается Китаем, среди прочего, и как «инструмент консервации» социально-политической и экономической ситуации в странах Центральной Азии [17]. С точки зрения стабильности в регионе Китай устраивает авторитарный характер центральноазиатских политических режимов, которые обеспечивают стабильное развитие стран и их

предсказуемость для внешних партнеров. Кроме этого, авторитарный стиль руководства и ограничения в политической сфере в определенной мере сдерживают контакты центральноазиатских стран с государствами Запада, что повышает роль Китая как приоритетного партнера.

С точки зрения геостратегического моделирования, в основу формирующейся стратегии КНР в северной Евразии положена схема «одна ось – две опоры». В концептуальном отношении Россия считается «осевым государством» – главным партнером КНР, с которым строятся отношения разностороннего стратегического взаимодействия и партнерства. Предполагается, что Китай и Россия будут сталкиваться с одинаковыми или с похожими стратегическими задачами. Китай и Россия могут оказывать друг другу помощь в политической сфере, энергетике, экономическом развитии, в сфере безопасности, в научно-технической и гуманитарной областях. Казахстану и Украине как «важным опорным странам» отводится «сбалансированная и стабилизирующая роль», в том числе в контексте обеспечения баланса и уравнивания российского фактора [18]. Кроме перечисленных стран, стратегическим партнером КНР в постсоветском пространстве считается также Узбекистан, с которым подписана Совместная декларация об установлении стратегического партнерства (06.06.2012 г.). Кроме важного значения в ресурсообеспечении и торговле, роль Узбекистана в евразийской стратегии КНР призвана расширить возможности влияния и ответственность Китая в обеспечении комплексной региональной безопасности. В свою очередь, возможным потенциальным «опорным партнером» Китая на Южном Кавказе считается Азербайджан. Интересы КНР предусматривают снижение экономической зависимости Украины, Беларуси и стран Центральной Азии от России.

Китайская концепция «западного стратегического пространства», включающего Северную Евразию, призвана обеспечить стабильность и процветание Китая, позволяя сосредоточить внимание на вызовах на юго-восточном направлении, главными из которых являются тайваньская проблема и споры в Южно-китайском море.

Кроме этого, актуальность центральноазиатского вектора внешней политики КНР усиливается в контексте сокращения военного контингента США в Афганистане и вывода оттуда войск союзников США по НАТО.

Анализ стратегических интересов и акцентов внешней политики Китая в Центральной Азии даёт возможность сделать следующие выводы:

1. Ключевыми вопросами, которые представляют интерес для Китая в контексте сотрудничества с государствами Центральной Азии являются: противодействие уйгурскому сепаратизму и исламскому экстремизму; развитие экономики Синьцзян-Уйгурского автономного района; бесперебойные поставки энергоносителей из стран Центральной Азии в КНР и китайских товаров в обратном направлении; транзит китайских товаров в страны Ближнего Востока и Европы; противодействие попыткам установить монопольное влияние на страны региона со стороны государств – соперников Китая и создать в регионе союзы с антикитайской направленностью.

2. Основным инструментарием политики Китая в Центральной Азии являются инвестиции в экономику стран региона, преимущественно, в энергетические и инфраструктурные проекты, горнодобывающую отрасль, а также льготное кредитование. Китай распространяет на центральноазиатские страны свою традиционную политику мирной экономической экспансии, уже продемонстрировавшей эффективность в ряде стран Африки и Азии. Пекин наращивает региональное присутствие, покупая энергетические и инфраструктурные активы и предоставляя кредиты без политических обязательств. Важными

конкурентними перевагами Пекина являются способность быстро принимать политические решения, а также наличие экономических и финансовых возможностей, позволяющих безотлагательно переходить к реализации согласованных проектов.

3. Китай осуществляет продвижение своих интересов в Центральной Азии как на двусторонней основе, так и через Шанхайскую организацию сотрудничества, выступающей в определенной мере как альтернатива инициированным Россией проектам ЕвразЭС, Таможенного союза и ОДКБ.

4. Китаю удалось достичь значительных успехов в реализации своей экономической стратегии относительно Центральной Азии. КНР стала крупнейшим торговым партнером стран региона.

5. Наиболее важными достижениями в энергетической сфере стали строительство газопровода из Туркменистана через территории Узбекистана и Казахстана, а также строительство казахстанско-китайского нефтепровода.

Список использованной литературы

1. Лузянин С. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс [Электронный ресурс] // Перспективы, 29.11.2011. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_prognosticheskiy_diskurs_2011-11-29.htm
2. Swanstrom N. China and Central Asia: A new great game or traditional vassal relations? / N. Swanstrom // *Journal of Contemporary China*. – 2005. – Vol. 14, No. 45. – P.569-584.
3. Воскресенский А. Политика Китая в Центральной Азии / А. Воскресенский, С. Лузянин // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России: моногр. / отв. ред. М. Наринский, А. Мальгин. – М. : МГИМО, 2003. – С.301–335.
4. Чжао Хуашен. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества / Чжао Хуашен // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. – 2005. – № 5. – 59 с.
5. Ся Липин Чжунго хэпин цзюэци (Мирное возвышение Китая). [Электронный ресурс] / Ся Липин, Цзян Сиюань // Россия в глобальной политике. – 10 января 2005. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/book/n_4246
6. Hung Ming-Te China's foreign policy in Central Asia [Электронный ресурс] / Hung Ming-Te, Tony Tai-Ting Liu // ОАКА. – 2010. – Cilt: 5, Sayı: 10. – S. 92-118. – Режим доступа : http://www.academia.edu/719943/Chinas_Foreign_Policy_in_Central_Asia
7. Казанцев А. Интеграция Путина не стыкуется с китайской стратегией в Средней Азии [Электронный ресурс] / А. Казанцев // Новое восточное обозрение, 21.07.2012. – Режим доступа: <http://www.ru.journal-neo.com/node/117710>
8. Central Asia Seminars. The 3rd GCSP–NUPI–OSCE Academy Seminar: «Central Asia 2010». Seminar Rapporteur: Ekaterina Klimenko. – Geneva Centre for Security Policy. – GCSP Geneva Papers. – Conference Series No. 19. – Bishkek, September 2010. – 29 p.
9. Корейба Я. Удар в мягкое подбрюшье России [Электронный ресурс] // ИноСМИ, 05.12.2012. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20121205/202980710.html>
10. Torbakov I. The West, Russia, and China in Central Asia: What kind of game is being played in the region? / I. Torbakov // *Transition Studies Review*. – 2007. – Vol. 14, No. 1. – P.152-162.
11. Малиновський О. Газова шахівниця Євразії: чи знайдеться місце Україні? [Электронный ресурс] / О. Малиновський, О. Марченко // Дзеркало тижня. – 2012. – 22 червня. – № 23. – Режим доступа:

- http://gazeta.dt.ua/ECONOMICS/gazova_shahivnitsya_evraziyi_chi_znaydetsya_mistse_u_krayini.html
12. Малашенко А. Туркменія: була ли оттепель? [Електронний ресурс] / А. Малашенко. – Московський Центр Карнегі. – 2012. – Т. 14. Вип.4. – С.7-10. – Режим доступу: http://carnegieendowment.org/files/MalashenkoBriefing_14-4-12_Russ_Turkmenia.pdf
 13. Транспортна стратегія Республіки Казахстан [Електронний ресурс] // Правительство Республіки Казахстан. Офіційний сайт. – Режим доступу: <http://ru.government.kz/resources/docs/doc5>
 14. Blank S. J. Whither the new great game in Central Asia? / S. J. Blank // Journal of Eurasian Studies. – July 2012. – Vol. 3, Issue 2. – P.147–160.
 15. Комиссина И. Н. Шанхайская организация сотрудничества: становление новой реальности / И. Н. Комиссина, А. А. Куртов, под ред. Е.М. Кожокин. – М. : РИСИ, 2005. – 119 с.
 16. Каццулани М. Средняя Азия между Китаем, Россией и США [Электронный ресурс] / М. Каццулани // ИноСМИ, 18.06.2012. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/world/20120618/193774581.html>. – Название с экрана.
 17. Улуян А. «Большая Центральная Азия» – геополитический проект или внешнеполитический инструмент? [Электронный ресурс] / А. Улуян // ЦентрАзия, 04.04.2008. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1207304460>
 18. Инь Шугуан. Сянганская газета «Вэньхуэйбао»: постепенно складывается «новая евразийская стратегия» Китая [Электронный ресурс] / Инь Шугуан // Жэньминь Жибао, 24.06.2011. – Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/31519/7420219.html>
Стаття надійшла до редакції 14.10.2013 р.

M. Murashkina, S. Tolstov

MAIN TRENDS OF CHINA'S POLICY IN CENTRAL ASIA

China's strategic interests in Central Asia and main directions of Chinese foreign policy for their implementation were analyzed. The authors considered the efforts of the PRC government related to the implementation of basic foreign policy aims in the region. The article provides an overview of the major China's projects related to energy supply and construction of the transit infrastructure.

The Central Asian states have a strategic importance in the context of increasing the potential of China as one of the world's leading economic and political actors. The authors note that the key aspects of China's relations with the Central Asian states are countering Uighur separatism and Islamic extremism, uninterrupted supply of energy resources from Central Asia and supply of Chinese goods to the countries of the region, transit of Chinese goods to the Middle East and Europe, countering the attempts to establish monopoly influence on the countries of the region on the part of rivaling states and create alliances with anti-China orientation in the region.

China has become the largest trading partner of the region. The main instruments for enhancing China's influence in Central Asia are investment projects, mainly in the spheres of energy, infrastructure and mining industry, as well as preferential loans in production and trade. China extends its traditional policy of peaceful economic expansion to the Central Asian countries which demonstrated efficiency in a number of countries of Africa and Asia. Promotion of Chinese interests in Central Asia is carried out both on a bilateral basis and through the Shanghai Cooperation Organization projecting to a certain extent as an alternative to Russian projects like the Eurasian Economic Community, the Customs Union and the Collective Security Treaty Organization (Tashkent pact). The main achievement of China's policy in the energy sector is the construction of a gas pipeline from Turkmenistan

through Uzbekistan and Kazakhstan, as well as the construction of the Kazakhstan-China oil pipeline.

Keywords: *Central Asia, China, Shanghai Cooperation Organisation, strategic interests, foreign policy.*

М.З. Мурашкіна, С.В. Толстов

ОСНОВНІ НАПРЯМКИ ПОЛІТИКИ КИТАЮ В РЕГІОНІ ЦЕНТРАЛЬНОЇ АЗІЇ

В статті проаналізовано стратегічні інтереси КНР в регіоні Центральної Азії. Розглянуто дії та зусилля по їх реалізації в рамках основних напрямків зовнішньої політики Китаю. Представлено огляд основних проектів КНР у сфері енергетики та розвитку транзитної інфраструктури.

Ключові слова: *Центральна Азія, КНР, Шанхайська організація співробітництва, стратегічні інтереси, зовнішня політика.*

УДК 327(477)(045)

Є.В. Рябінін

ПРОБЛЕМА ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОГО ВИБОРУ УКРАЇНИ

Стаття присвячена одній з актуальних проблем українського геополітичного сьогодення, а саме вектору інтеграції України. Розглянуті проблеми та перспективи щодо участі України в європейських та євразійських політико-економічних інтеграційних об'єднаннях. Наголошується на невідповідності геополітичного розташування держави та внутрішньому розколу в суспільстві стосовно зовнішньополітичного вектору. Обґрунтовується думка про необхідність України інтегруватися з країнами євразійського простору.

Ключові слова: *інтеграція, євразійський простір, Європейський Союз, суверенітет, постнаціональна епоха.*

Сучасний світ характеризується активними інтеграційними процесами. Інтеграція сьогодні є невід'ємною складовою економічного, політичного, військового, культурного розвитку глобалізаційного світу, не дивлячись на те, що глобалізація має більше недоліків, аніж переваг для сучасного людства. На кожному континенті країни формують регіональні організації та приймають участь в інтеграційних проектах. Україна не є виключенням, але участь держави в інтеграційних процесах є доволі хаотичною, що заважає державі зайняти своє місце в політичній структурі світу.

Інтеграційні пріоритети України слід розглядати через призму трьох факторів: економічне зростання, збереження суверенітету в процесах прийняття рішень та посилення геополітичного впливу на регіональному рівні.

В контексті аналізу зовнішньополітичних пріоритетів, Україна має три потенційні шляхи: інтеграція в європейське співтовариство; реінтеграція з країнами євразійського простору; нейтралітет як в військовому, так і в політичному плані. Третій варіант є нереальним, оскільки Україна не має ніяких можливостей стати східноєвропейською Швейцарією через високий рівень корупції та прогалин у вітчизняному законодавстві.

Геополітично Україна вагається між інтеграцією до європейських структур та реінтеграцією з пострадянськими країнами.